

Т. Г. ХАЗАГЕРОВ

ВТОРОЙ ЗАКОН Ф. де СОССЮРА И ПРОБЛЕМЫ БАЛТО-СЛАВЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ

В 1894 г. в Париже, на X Международном конгрессе ориенталистов, широкая лингвистическая общественность впервые была ознакомлена с теоретическим выводом, согласно которому „... в некоторую эпоху... предшествующую распадению на диалекты... ударение закономерно переносилось на следующий слог, когда оно падало на слог с циркумфлексной интонацией, непосредственно после которого находился слог с акутовой интонацией“¹.

Указанный вывод, сформулированный Ф. де Соссюром на основе реконструкции данных литовского языка еще в 1889 г., стал широко известен как второй закон Соссюра и вызвал появление в свет огромного количества лингвистической литературы².

До настоящего времени указанная формулировка расценивается как классическая интерпретация, а ее предмет — как классический образец фонетического закона. Изучение данного закона представляет поэтому не только специальный, но и несомненный методологический и типологический интерес³. В частности, особый методологический интерес в плане проблематики

¹ См. Actes du X Congrès international des Orientalistes, т. 1, с. 89; здесь приводится уточненная формулировка, данная Соссюром позже в Accentuation lituanienne. — JF, 1896, Bd 6, S. 157. См. русский перевод в кн.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М., 1977, с. 620. Применительно к литовскому языку термин „циркумфлексная интонация“ означает плавное, восходящее движение тона, а „акутовая“ — резкое, нисходящее. Применительно к праславянскому термин „акут“ употребляется, однако, в дальнейшем как указание на восходящее, а циркумфлекс — нисходящее движение тона.

² См. BSL, 1890, vol. 7; Ф. де Соссюр сравнил 1-ю акцентную парадигму литовского и 3-ю акцентную парадигму, характеризующиеся акутовой интонацией подударного гласного отрезка со 2-й и 4-й акцентными парадигмами, характеризующимися циркумфлексной интонацией подударного гласного отрезка, и пришел к выводу, что 2-й тип представляет собой модификацию 1-го, а 4-й — модификацию 3-го, причем эта модификация обусловлена чисто фонетически.

³ Из числа новейших исследований см. Дыбо В. А. Работы де Соссюра по балтийской акцентологии. — В кн.: Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., с. 583—597.

балто-славянской языковой общности представляют собой попытки распространить действие указанного закона на праславянский язык.

Итак, год спустя после упомянутого выступления Ф. де Соссюра на конгрессе ориенталистов Ф. Ф. Фортунатов в рецензии на книгу Г. К. Ульянова высказал мысль, что „... длительная долгота еще в литовско-славянском языке переносила на себя ударение с предшествующего слога, если последний сам не имел длительной долготы“⁴. Следует отметить при этом, что Ф. Фортунатов ошибочно привел в качестве примера подобных смещений ударения акцентуацию первого лица единственного числа. Указанная формулировка, близкая к выводам Соссюра, впоследствии была объединена с ними и стала называться „законом Фортунатова – Соссюра“.

Очевидность выводов Ф. де Соссюра применительно к литовскому языку, внешнее сходство многих литовских и славянских передвижений ударения позволили А. Мейе уже в 1900 г. распространить интерпретацию соссюрского закона на целый ряд случаев смещения акцента в славянских языках⁵. А. Мейе учитывал при этом двустороннюю значимость сформулированного закона: а) роль закона как средства отграничения позднейших, возникавших на почве отдельных славянских языков изменений ударения от того состояния, которое было свойственно акцентной системе праславянской эпохи, а отсюда и пристальное внимание к фонетическому механизму функционирования этого закона; б) роль закона как средства реконструкции древнейшей индоевропейской акцентной системы, а отсюда и пристальное внимание ко 2-й литовской акцентной парадигме, в том числе ее морфологическим характеристикам в качестве своеобразного эталона, на базе которого могли бы оцениваться как славянские, так и греческая и санскритская акцентные системы⁶.

Прервав экскурс в историю вопроса на этапе, который можно было бы назвать „классическим“ периодом развития славянской исторической акцентологии, обратимся к наиболее существенной для понимания ее дальнейшего развития проблематике – проблеме балто-славянской языковой общности. И здесь необходимо сказать следующее.

⁴ См. Фортунатов Ф. Ф. Критический разбор сочинения Г. К. Ульянова „Значение глагольных основ в литовском языке“. – ИОРЯС, 1897, т. 64, кн. 11, с. 158. Термин „длительная долгота“ означал при этом всякий гласный отрезок, восходящий к индоевропейскому долготому монофтонгу или дифтонгу с первой долгой слоговой частью, получивший в балто-славянскую эпоху акутовую интонацию.

⁵ См. Meillet A. Note sur un déplacement d'accent en slave. – MSL, 1900, N11, p. 345–351.

⁶ Эти идеи получили дальнейшее развитие в работе: Meillet A. Sur l'accentuation des noms en indoeuropéenn. – MSL, 1914, N 2.

Господствовавшее в тот период, когда рассматриваемый закон еще постулировался, идущее от А. Шлейхера и К. Бругмана прямолинейное представление о балто-славянском праязыке как особой ступени развития балтийских и славянских языков, имевшей место после распада индоевропейского праязыка, толкало исследователей к попыткам безоговорочно использовать второй закон Соссюра для объяснения буквально всех внешне сходных перемещений ударения в литовском и славянских языках и даже искать передвижения ударения в славянских языках только потому, что они имеют место в литовском. Сравнение с литовским оказывается при этом достаточным доводом, не сопровождаемым ссылкой на другие внешние сравнения или внутреннюю реконструкцию.

Примером ошибочных реконструкций подобного рода могут служить отдельные положения даже таких выдающихся ученых, как А. А. Шахматов, который, безоговорочно доверяя одиночному внешнему сравнению, утверждал, скажем, что ударение винительного падежа множественного числа *i*-основ (русск. *кѡсти*, сербск. *кѡсти*, словенск. *kostī* и т. п.) все же вторично в этих славянских языках и только потому, что в литовском языке в аналогичной падежной форме имел место фонетический перенос ударения⁷.

Концепция „праязыка“ накладывает при этом отпечаток на те или иные реконструкции даже таких ученых, которые ее совершенно не придерживаются. Так, А. Мейе не избежал упомянутой ошибки Ф. Ф. Фортунатова при реконструкции ударения в славянском презенсе.

Вернемся, однако, к нашему историческому экскурсу. Последующий этап развития славянской исторической акцентологии, связанной с накоплением значительного количества фактических данных, не мог не выявить все больших и больших расхождений славянской и литовской акцентологических систем. На фоне общего кризиса теории „праязыка“ эти расхождения обусловили два противоположных подхода ученых к методике акцентологического исследования:

— Отказ от сравнений славянского подвижного ударения в имени с нефонетической (акутовой) подвижной (3-й) акцентной парадигмой в литовском, отказ от сравнения славянского подвижного ударения с индоевропейским и, наряду с безоговорочным переносом фонетического механизма закона Соссюра из литовского в праславянский, попытки дополнить этот закон новыми, специфически славянскими акцентными законами. Негативная

⁷ См. Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. — М., 1957, с. 36 и след.; ср. аналогичные реконструкции в отношении ударения в винительном падеже множественного числа *a*-, *o*-, *u*-основ, в именительном-винительном двойственного числа *a*-основ и т. д. Ср. подобные же реконструкции у С. М. Кульбакина (Заметки о славянском количестве и ударении. — ИОРЯС, 1906, т. 11, кн. 4, с. 252—253 и след.).

сторона данной концепции особенно ярко отразилась в обобщающих исследованиях Н. Ван-Вейка⁸, здоровое ее ядро — отказ от безоговорочной опоры на сравнение с индоевропейской (литовской) подвижностью, с указанием, однако, на наличие некоторых следов этой подвижности в славянском — обобщено в исследованиях Л. А. Булаховского⁹. Позитивная сторона концепции отражена, например, в получившей широкое признание и известной как закон Шахматова¹⁰ формулировке, согласно которой в общеславянскую эпоху ударение с внутренних циркумфлектированных слогов оттягивалось на инициальный слог. Постулировались и другие специально славянские фонетические законы, например, закон Хирта—Лера—Сплавинского, согласно которому ударение с конечного неаккутового слога оттягивалось на предконечный (любой по Хирту, только акутовый по Леру)¹¹.

— Отказ от распространения второго закона Соссюра с литовского на праславянский и, наряду с попытками постулирования специфически славянских фонетических законов, переключение внимания исследователей на факты древнейшей индоевропейской подвижности ударения, зафиксированной в литовском (3-я акцентная парадигма), и выявление отношения этой подвижности к еще более древним акцентным системам, зафиксированным в греческом и ведическом санскрите.

Негативная сторона второй концепции получила свое наиболее полное выражение в работах Фр. Седлачека, а затем Х. Станга, выявившего и систематизировавшего все случаи, в соответствии с которыми не следует, по его мнению, распространять действие закона Соссюра на славянские языки¹². Здоровое ядро этой концепции отражено, по нашему мнению, в ранних работах Е. Куриловича¹³, первоначально исключавшего из сферы действия закона конечные закрытые слоги не только в литовском, но и в славянском.

⁸ Wijk N. van. Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme. — Amsterdam, 1923.

⁹ См., например: Булаховский Л. А. Интонация и количество форм дуалис именного склонения. — Изв. отд. русского языка и лит.-ры. 1964, вып. 4, с. 313—314.

¹⁰ См. Шахматов А. А. (рец.) М. Rešetar. Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten. — ИОРЯС, 1900, т. 6. Напомним, что на этот закон опираются все современные реконструкции в так называемом рецессивно-подвижном типе ударения презенса. См. Lehr-Splawiński T. O prasłowiańskiej metatonii. Studia i szkice wybrane. — Warszawa, 1957, s. 11; Stang Chr. Slavonic accentuation. — Oslo, 1958, p. 18 и др.

¹¹ См. Hirt H. Indogermanische Akzent. — Heidelberg, 1929, Bd 5, S. 58, Lehr-Splawiński T. Najstarsze prasłowiańskie prawo cofania akcentu. — RSI, 1918, t. 8, с. 243 и след.

¹² См. Sedlaček Fr. Přizvuk podstatných jmen v jazycích slovaňských. — Praha, 1914; Stang Chr. Slavonic accentuation, с. 15—20.

¹³ См. Kuryłowicz J. Le probleme des intonations balto-slaves. — RSI, 1931, t. 10; ср. ero же. L'accentuation et morphologie en lituanien. — StB, 1939, vol. 8.

Позитивная сторона второй концепции разрабатывалась в упомянутых трудах Седлачека, а затем Станга, в более же позднее время в работах В. М. Иллича-Свитыча¹⁴ и особенно В. А. Дыбо¹⁵. В рамках второй концепции совершенно особняком стоят исследования Е. Куриловича¹⁶.

Работы Станга, Иллича-Свитыча и Дыбо окончательно устранили в настоящее время всякие сомнения в генетической общности славянской (нефонетической) и индоевропейской (нефонетической) подвижности ударения не только в имени, но, что особенно важно, и в глаголе¹⁷. При этом выявились, однако, и существенные разногласия. Так, Станг восстанавливает тройственность индоевропейских акцентных парадигм: накорневого (баритонированного) ударения, насуффиксального или нафлексивного (окситонированного) и подвижного ударения. Иллич-Свитыч и Дыбо говорят о первоначальной двойственности акцентных парадигм — баритонированной и подвижной. Причем Иллич-Свитыч постулирует особый, действовавший в общеславянскую эпоху еще до закона Шахматова закон, согласно которому ударение со срединных циркумфлектированных слогов перемещалось на последний слог¹⁸, а Дыбо, принимая этот закон, дополняет его уже упоминавшимся законом Хирта¹⁹, так что действием упомянутых фонетических законов и определяется трансформация баритонированного индоевропейского ударения у циркумфлектированных основ в окситонированное (закон Иллича-Свитыча) и трансформация индоевропейского подвижного типа в подвижной общеславянский (закон Хирта), т. е. переход от первоначальной двойственности акцентных парадигм в индоевропейском к тройственности в общеславянском.

¹⁴ См. Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. — М., 1963; Иллич-Свитыч В. М., Дыбо В. А. К истории славянской системы акцентуационных парадигм. — В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов. М., 1963.

¹⁵ Дыбо В. А. Опыт реконструкции системы праславянских акцентных парадигм. Автореф. докт. дис. (Далее — АДД). — М., 1978.

¹⁶ См. Kuryłowicz J. L'accentuation des langues indoeuropéennes — Wrocław—Kraków, 1953, s. 162—169.

¹⁷ См. Дыбо В. А. О древнейшей метатонии в славянском глаголе. — ВЯ, 1958, № 6; его же. Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста. — КСИС, 1961, вып. 30; его же. Фрагмент праславянской акцентной системы. — Советское языковедение, 1968, № 6; его же. Древнерусские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (презент). — ВЯ, 1969, № 3; его же. Среднеболгарские тексты как источник для реконструкции праславянского ударения (презент). — ВЯ, 1969, № 3; и др. работы.

¹⁸ См. Иллич-Свитыч В. М. Указ. соч., с. 161.

¹⁹ См. Дыбо В. А. АДД, с. 3 и след.

Относительно концепции Куриловича можно констатировать, что она не получила в настоящее время поддержки других исследователей. Согласно Куриловичу, генетическая общность славянской и литовской подвижности ударения объясняется действием особого общего балто-славянского фонетического закона, в соответствии с которым ударение оттягивалось в многосложных словах со срединного слога на инициальный и оставалось на месте в двусложных словах, следствием чего и было: 1) возникновение подвижных парадигм, 2) образование интонационных различий на инициальных слогах.

При всем разнообразии бегло рассмотренных выше концепций, бытующих в современной славянской исторической акцентологии, можно отметить одну несомненно общую для них черту. Надежной опорой для реконструкции служит здесь только явное или имплицитное представление о тождестве сравниваемых акцентных систем, идет ли речь о тождественности этих систем применительно к древнейшей и.-е. эпохе (как у Куриловича и Станга) или о позднейшей (как у Ван-Вейка), о фонетических, морфонологических или морфологических уровнях этих систем. Там, где нет генетического родства (т.е. где факты отдельных языков не сводятся к фактам праязыка), сравнение, как правило, не проводится или не рассматривается как достаточно надежное. Автор настоящей статьи хотел бы, однако, показать плодотворность другого, не столь жесткого подхода, исходящего не только из генетической общности, но и из анализа сходств и различий типологически близких друг другу, взаимопроницаемых, генетически родственных диалектов, контактирующих друг с другом в течение ряда эпох.

Отрицая концепцию балто-славянского праязыка, автор данной статьи вслед за такими исследователями, как И. Эндзелин, В. Пизани, С. Б. Бернштейн²⁰, Ф. П. Филин²¹, полагает, что балтийские и славянские диалекты представляли собой в течение целого ряда эпох особую изоглоссную область с характерными для нее расхождениями и сходствами взаимопроницаемых диалектов. Одним из этих сходств и были, по нашему мнению, передвижения ударения, аналогичные второму закону Соссюра.

Как же конкретно можно представить себе действие закона Соссюра? В древнейшую эпоху существования балто-славянской изоглоссной области фонологическая долгота гласного в последующем слоге (или конечном) на фоне фонологической краткости предшествующего (т.е. инициального) слога воспринималась некоторыми носителями диалектов в этой изоглоссной

²⁰ Сводку мнений по вопросу о балто-славянском единстве см. в кн.: Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. — М., 1961, с. 27—35.

²¹ См. Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. — М.—Л., 1962, с. 127—130.

области как нефонологическая долгота и ассоциировалась вследствие этого с квантитативно-динамическим и квантитативно-музыкальным центрированным ударением. Индоевропейские диалекты утрачивали в этот период древнейшее сильно центрированное, динамическое ударение²², но процесс этой утраты был неравномерен. В упомянутой изоглоссной области контактировали носители взаимопроницаемых диалектов, полностью утративших центрированное ударение, и диалектов, только начинавших его утрачивать. В процессе взаимодействий подобного рода долгота ассоциировалась с ударением подобно тому, как чешские долгие гласные воспринимаются говорящими на русском языке как ударяемые, т.е. характеризуются большей интенсивностью и движением тона.

Следствием упомянутого явления было то, что ударение с инициальных краткостных слогов сдвинулось на конечный слог, если этот слог содержал долгий монофтонг или дифтонг с первой долгой слоговой частью (заметим, что рассматриваемые перемещения ударения происходили до стяжения дифтонгов, до становления интонационных различий) и если этот слог был открытым. Такое смещение ударения наблюдалось во всей балто-славянской изоглоссной области. Далее, ударение смещалось с инициального краткостного слога на внутренний долгий слог, но это смещение осуществлялось только в славянских диалектах. Наконец, ударение перемещалось с инициальных краткостных слогов на некоторые типы конечных закрытых²³ слогов, содержащих долгий монофтонг или дифтонг с долгой слоговой частью, но эти смещения также носили разный характер в балтийских и славянских диалектах, о чем подробнее будет сказано несколько ниже.

Известно, что фонетическая интерпретация закона Соссюра, данная самим автором, не удовлетворила позднейших исследователей²⁴. Ближе к истине раскрывает механизм закона, по нашему мнению, интерпретация Куриловича (указание на смешение нефонологической долготы с ударяемостью). Мы не склонны, впрочем, видеть вслед за Куриловичем, облигаторную связь такого смешения с реальным сокращением нисходяще долгих гласных, ко-

²² См. Brugmann K., Delbrück B. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. — Strassburg, 1886, Bd 1, с. 535—538; Hirt H. Indogermanische Grammatik. — Strassburg, 1895, Bd 5, S. 215—216; Pedersen H. Zur Akzentlehre auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. — ZslPh, 1906, Nr. 34; и др. работы.

²³ С общefonетической точки зрения проводимое нами противопоставление открытых и закрытых слогов вполне оправдано, поскольку открытые слоги при прочих равных условиях отличаются от закрытых большей „естественной“, т.е. нефонологической долготой. См., например, Матушевич М. И. Введение в общую фонетику. — Л., 1948, с. 67.

²⁴ Bonifante C. Una nuova formulazione della legge di F. de Saussure. — StB (Roma), 1931, vol. 1; Ekblom R. L'origine des intonations nouvelles en slave. — Scando-Slavica, 1956, vol. 2.

торое имело место в литовском в более позднюю эпоху, а объясняем его контактами носителей типологически различных, но взаимопроницаемых фонологических систем. Во всяком случае, как это показал уже Курилович, в литовском действие закона распространяется почти исключительно на конечные открытые слоги. С нашей точки зрения, в рассматриваемых диалектах целесообразно различать далее следующие типы конечных закрытых слогов: 1) слог, содержащий долгий слогообразующий элемент, закрыт одиночным невокализуемым сонантом, т.е. кратким *ĩ*, *ũ*, или носовым; 2) слог закрыт скоплением согласных, не содержащим упомянутых сонантов, — в этих типах конечных закрытых слогов перемещение ударения отсутствует во всей балто-славянской изоглоссной зоне (ср. русск. *рукá*, но *ру́ку*, к *ру́ке* (в памятниках), лит. *rankà*, но *raĩka* < *-an, *raĩkai* < *-ai, сербск. *лѡмих*, но *лѡми*, где во 2-м и 3-м лице аориста восстанавливаются древнейшие окончания *-s-s и *-st; 3) слог закрыт скоплением согласных, первым элементом которого является носовой сонант, в балтийских диалектах ударение смещается на долгий слогообразующий гласный, в славянских — нет, ср. лит. *raĩka*, но *rankàs* < *-ans, русск. *ру́кы*; 4) слог закрыт одиночным согласным (не сонантом!). В балтийских диалектах перемещения нет, в славянских есть, ср. лит. *raĩkos*, но славянск. (русс.) *рукы́* (род. п. ед. ч.)²⁵.

Нетрудно заметить, что предлагаемая выше интерпретация закона во всяком случае не противоречит фактам славянских языков. Почти весь перечень исключений, собранных Стангом в упомянутом сочинении, относится только к классической формулировке закона, что же касается предполагаемой нами модификации, то критика Станга бьет здесь мимо цели.

Так, ожидаемых облигаторных, с точки зрения классической формулировки, смещений ударения, действительно, нет в 1-м лице единственного числа славянского презенса (оконч. *-on или *-an — 1-й тип закрытого слога), в винительном падеже множественного числа *ā-*, *ǫ-*, *ũ-*, *-ĩ-*основ (оконч. *-āns, *-ǫns, *-ũns, *-ĩns — 3-й тип закрытых слогов). Нет их, например, и в именительном-винительном падеже дуаля у имен женского рода, ср. *ру́цѣ̆* (*двѣ̆*), так как окончание *-āi, дающее славянское -ē долгое (ять), содержит именно невокализуемый сонант (ср. лит. *dvì rankì*, где сонант вокализован, и имеется поэтому ожидаемое смещение ударения)²⁶.

²⁵ Судя по мягкому варианту а-основ, носовой сонант из винительного множественного числа проник и в родительный единственного; это явление, однако, имело место уже после того, как начал функционировать постулируемый закон.

²⁶ *-āi в мягком варианте рефлектируется как -i (через промежуточную ступень *-ēi), но появление этой промежуточной ступени, вероятно, также относится лишь к тому времени, когда постулируемый закон уже функционировал.

К числу фактов, внешне противоречащих новой формулировке закона, относятся только два случая, когда инициальный краткостный слог сохраняет на себе ударение, несмотря на то, что в конечном слоге (предположительно открытом) имеется долгий гласный. Это, во-первых, именительный-винительный падеж дуаля о-основ мужского рода. Окончание восстанавливается здесь обычно как *-ō (ср. греч. *lúkō*, лит. *vilkù*), но безоговорочное доверие указанным внешним сравнениям отнюдь не обязательно. Дело в том, что славянский дуаль типологически существенно отличается от греческого и литовского (в котором, в отличие от славянского, нет, например, специальных форм для родительного-местного падежей) и сближается в этом отношении с санскритом. Санскрит же обобщает в данной падежной форме окончание -āu (ср. *parāḥ* – *parāu*)²⁷, широко распространившееся за пределы о-основ. Ср. *go* – *gavau*, *pitā* – *pitārau* и под. При этом надо иметь в виду следующее. В и.-е. языках формы дуаля без числительного два употреблялись лишь в тех случаях, когда собеседнику из ситуации или из контекста было ясно, что речь идет о двух предметах, в тех же случаях, когда могла возникнуть двусмысленность, они сопровождались числительными „оба“ и „два“, которые функционировали как прилагательные и согласовывались с именем²⁸. Естественно предположить в связи с этим, что окончание -и распространялось в именительный-винительный дуаль сначала именно из этих числительных. Далее следует заметить, что, судя по данным санскрита, возможны были два типа подобных согласований: -au перед начальной гласной следующего слова – *ubhāv āśvau*, просто -a перед согласной или сонантом – *ubhā devau*, причем, поскольку в первом случае сонант находится в интервокальной позиции, он, безусловно, функционирует как невокализуемый сонант, т.е. как согласный „в“. Во втором же случае невокализуемый сонант утрачивается. Вокализация сонанта, очевидно, была возможна только в абсолютном конце фразы, но такое употребление для данных числительных было нетипичным.

Итак, следуя данной гипотезе, можем предположить, что окончание дуаля у имен, также как у числительных „оба“ и „два“, обобщалось в праславянском, как и в санскрите, как долгий гласный, за которым следовал именно невокализуемый сонант „в“ (-u), т.е. как -av (1-й тип закрытого слога), а, значит, отсутствие перемещений ударения на конечный слог, свидетельствуемое

²⁷ Окончание им.-вин. дуаля возводится к -ou целым рядом ученых, см. *Tesnière L. Les formes du duel en slovene. – Travaux... (TSL), vol. 3; Liewehr F. Slavische Sprachwissenschaft in Einzeldars-tellungen. – Wien, 1955; Булаховский Л. Интонация и количество форм дуалис; и др.*

²⁸ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М. – Л., 1938, с. 204.

русским *оба*, сербск. *оба*, словенск. *obâ*, вполне закономерно. Наконец, естественно предположить и то, что окончание *-и* могло не распространяться на названия таких предметов (парных), которые обычно употреблялись и без числительных „два“ и „оба“. Отсюда праславянский мог сохранять и формы дуаля на *-о* долгое, с закономерным передвижением ударения на флексию. В формах типа *рога* (Чудовской Завет, 154 в) вполне можно видеть именно остатки таких древнейших отношений²⁹.

Речь может идти и об именительном-винительном дуаля *i*-основ. Возведение окончания к долготому монофтонгу в открытом слоге не вызывает здесь малейших сомнений. В то же время русск. *дчи*, сербск. *дчи*, словенск. *oči*, равно как и словенск. *dvî poči* и под. ставят, казалось бы, под сомнение предлагаемую нами модификацию закона. Но является ли накорневое ударение в указанных случаях бесспорно общеславянским? Мы полагаем, что нет, и в принципе здесь достаточно сослаться на обстоятельный анализ Л. А. Булаховского и С. П. Обнорского³⁰, который можно было бы подкрепить еще и следующими фактами и соображениями. В Чудовском Завете имеется любопытная акцентовка: *прозрѣста очѣ* (11 об.). Попытка объяснить эту форму как болгаризм была бы явной натяжкой, поскольку формы множественного числа регулярно употребляются в том же памятнике с ударением на корне (8, 10, 11 об., 24, 29, 47, 89, 157 и т.д.). Любопытна также и форма *гостѣ* (ЧЗ—79), по-видимому, двойственного числа.

Указанные факты хорошо согласуются с предположением о том, что нафлективная акцентуация именительного-винительного падежей исчезает в русском в связи с утратой дуаля и под влиянием многочисленных форм *i*-основ (именительный-винительный множественного, родительный и дательный единственного) того же типа склонения, имевших накорневое ударение. Что касается словенского, то этот язык обобщил, как известно, в дуале женского рода *a*-основ и среднего рода *o*-основ в именительном-винительном падежах окончание *-i* (ср. словенск. *dvî rýbi*, *dvî mésti* и под.). Это окончание,

²⁹ Возражения Станга, отвергающего закон Соссюра на основе таких примеров, как словенское *obâ* или *dva možâ* (указ. соч., с. 17) бьют, таким образом, мимо цели. С другой стороны, у Станга (ср. Булаховский Л. А. Заметки по русской морфологии. — *Slavia*, 1927—1928, т. 6) явной натяжкой выглядит трактовка формы *рога* в ЧЗ как болгаризма или формы, отражающей влияние имен среднего рода, что неприемлемо для XIV в. Заметим также, что очень интересный пример В. В. Колесова (История русского ударения. — Л., 1972, с. 151) „увидѣхъ два рога, рога же высока“ взят из памятника конца XVI в., к тому же с диалектными чертами, и в период утраты двойственного числа, естественно, не отражает древнейших отношений.

³⁰ Булаховский Л. А. Интонация и количество форм дуалис; Obnorski S. P. Duals-puren in der nominalen Declination des Russischen. *ZslPh*, Bd 2, S. 1—2.

внешне совпавшее с окончанием дуаля именительного-винительного падежа *i*-основ могло легко контаминировать с ним, особенно у имен и через имена, которые в единственном числе изменялись по среднему роду *o*-основ, а во множественном и дуале — по основам на *-i* (например, *уши, очи*). Но окончание *-i* в именительном-винительном падежах дуаля *ā*- и *ō*-основ, восходящее к дифтонгам **-āi* и **-ōi* с невокализующим сонантом (изменение **-ōi* в **-ēi* в мягком варианте имело место уже после того, как начал функционировать закон Соссюра) постулируется нами как закономерно безударное. Это безударное окончание, по-видимому, и вытеснило старое ударяемое в течение длительной истории развития дуаля в словенском, сначала в таких именах, как *очи* и *уши*, а затем и в других *i*-основах³¹.

Наряду с разобранными выше двумя фактами имеется длинный перечень таких акцентных явлений, где отрицание закона Соссюра приводит лишь к натяжкам и малодоказательным гипотезам.

Прежде чем перейти к этому перечню, следует сделать еще три предварительных замечания.

1) Вслед за О. Гуйером, Л. Греем, В. В. Ивановым и В. И. Топоровым, М. Мажюлисом и другими учеными³² полагаем, что в рассматриваемую эпоху падежи в собственном смысле этого слова, т.е. флективные падежи, представлены только формами аккузатива (сингуляр с флексией **-n* и плюраль с флексией **-ns*), генетива (сингуляр с флексией **-s*, **-os*, **-es*), номинатива сингуляра (с флексией **-s* или просто в виде чистой основы) и плюраля

³¹ О том, что двойственное число прошло в словенском длительную историю развития и не является неподвижной копией дуаля в праславянском, см.: Белић А. О двојини у словенскома језицима. — Београд—Земун, 1931. Не касаемся здесь вопроса об ударении именительного-винительного падежа дуаля *i*-основ. Тут, как это убедительно показали Л. А. Булаховский (Интонация и количество...) и Р. Нахтигал (*Akzentbewegungen in der russischen Formen und Wortbildung. — Heidelberg, 1922*), перенос ударения на флексию несомненно имел место (ср. такие остатки дуаля, как *судьы, весы*). Для оценки ударения в этой форме показательна акцентуация вин. п. мн. ч. *волы* (23, 42а). Слово это, как утверждает В. В. Колесов (указ. соч., с. 180), обнаруживает в им. пад. мн. ч. накорневое ударение (*волове*). Не отражает ли акцентуация *волы* влияние им.-вин. двойственного, очень употребительного у этого слова, поскольку в упряжках использовалась именно пара волов.

³² См. Гуйер О. Введение в историю чешского языка. — М., 1953, с. 28; Gray L. *On Indoeuropean Noun Declension. — Language, 8*, с. 198; Иванов В. В., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях славянских и балтийских языков. — М., 1958; Mažiulis V. *Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai. — V., 1970*, р. 6–7 и др. Соглашаясь с этими авторами в том, что касается разграничения флективных и нефлективных падежей, в то же время разделяем точку зрения А. Н. Савченко (Сравнительная грамматика индоевропейских языков. — М., 1974, с. 214–215), сводящуюся к тому, что синтаксические отношения имени к другим словам в предложении уже в праиндоевропейском выражались с помощью восьмипадежной парадигмы.

(флексия *-es) и, возможно, датива сингуляра с флексией *-i (*-oi, *-ei). Прочие падежи, т.е. локальные падежи (местный, аблатив), инструменталь, датив дуаля и плюраля и генетив плюраля, представляли собой чистую или „усиленную“ основу в сочетании с послелогом или частицей.

При этом наиболее надежный материал для сравнения балтийских и славянских фактов дают именно флективные падежи, поскольку только здесь имеем дело с собственно словесным ударением. Что же касается сочетаний основы с послелогом или частицей, речь должна идти только о фразовом ударении, и сравнение балтийских и славянских фактов абсолютно ненадежно.

2) Вслед за Г. Хиртом³³, полагаем, что в указанную эпоху подвижность ударения была семантизирована, иначе говоря, она определялась отношением некоторой индивидуальной лексической семантики к строго определенной категориально-грамматической семантике, к глубинным понятийным, функционально-семантическим категориям. Так, в литовском языке в подвижных парадигмах генетив сингуляра регулярно противопоставлен аккузативу сингуляра; проецируя эти отношения в праиндоевропейское состояние и сравнивая их с фактами, наблюдаемыми в санскрите, имеем все основания предполагать, что они были связаны с противопоставлением активного и пассивного состояния, т.е. с противопоставлением субъекта и объекта. Наряду с субъектно-объектными противопоставлениями акцентные отношения, несомненно, были связаны и с функционально-семантической категорией плюральности.

Разграничение фонетически вынужденных, облигаторных смещений ударения и подвижного ударения, выполняющего определенные семантические функции, отчетливо прослеживается в литовском (ср. 2-ю и 3-ю акцентные парадигмы в имени), в славянском их разграничить труднее, но это не значит, что такая задача не может ставиться и успешно решаться исследователями.

3) Древнейший фонетический механизм второго закона Соссюра претерпевает некоторые изменения уже после стяжения дифтонгов. Стяжение дифтонгов, согласно общепринятой точке зрения, ведет к возникновению интонационных различий³⁴. При этом дифтонги с первой краткой слоговой частью дают нисходящую интонацию (праславянский циркумфлекс), а дифтонги с долгой слоговой частью — восходящую (праславянский акут). Из диф-

³³ См. Hirt H. *Der indogermanische Akzent*, Bd 5, S. 220–221; см. также: Хазагеров Т. Г. О некоторых функциях ударения в праиндоевропейском языке. — Изв. СКНЦ. Сер. обществ. наук, 1974, т. 1, с. 73–75.

³⁴ Bezenberger A. *Grammatische Bemerkungen*. — BB, 1883, Bd 7; его же. *Zum baltischen Vokalismus*. — BB, 1891, Bd 17.

тонгов с краткой слоговой частью нисходящая интонация распространяется на краткие гласные, а из дифтонгов с долгой слоговой частью восходящая интонация распространяется на долгие монофтонги. Поскольку акутовая интонация выступает в качестве наследницы долгого гласного, а циркумфлексовая — краткого, сущность постулированного закона при этом не меняется: в праславянском, как и в литовском, по-прежнему отсутствуют фонетические положения — инициальный подударный циркумфлектированный слог — конечный (а для славянских и внутренних) слог с акутовой интонацией. Подвижность ударения парадигм с таким распределением интонационных различий остается фонетически вынужденной, облигаторной.

Далее следует иметь в виду, что, хотя центрированное динамическое ударение в балто-славянской изоглоссной зоне к моменту стяжения дифтонгов было уже, безусловно, устранено, в праславянском сохраняются элементы центрированного музыкального ударения³⁵, т. е. в предударных слогах движение тона нарастает, а в заударных падает, но к концу слова может снова нарастать; это предположение хорошо подтверждается данными отдельных, сохранивших музыкальное ударение славянских языков, — так, в словенском смещение ударения к концу слова дает нисходящую интонацию, ср. словенское *obā* и русск. *оба*, а в сербском (штокавском) смещение ударения к началу слова дает восходящую интонацию, ср. сербск. *рука*, *вода* и русск. *рука*, *вода*. Интонационные различия в славянских диалектах возникают поэтому лишь на ударных и заударных слогах. В предударных же слогах возможно только восходящее движение тона, т. е. интонационные противопоставления здесь нейтрализованы. Результатом такого состояния является контаминация старого индоевропейского подвижного ударения в словах с акутовой и циркумфлексовой интонацией корня, в связи с чем акутовая подвижность растворяется в циркумфлексовой (ср. литовское *gálva* и сербское *glāvu*). Факт этот был известен уже А. Мейе³⁶, но фонетический механизм его впервые правильно раскрыл Хр. Станг³⁷.

С устранением акутовой подвижности ударения, как это впервые показал опять-таки Хр. Станг, подвижность ударения мотивируется уже морфологически: акутовый характер подударного корневого слога обуславливает неподвижное ударение на корне, а циркумфлексивный — подвижное,

³⁵ См. Хазагеров Т. Г. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. — М., 1973, с. 17–18.

³⁶ См. Мейе А. О некоторых аномалиях ударения в славянских языках. — Русский филол. вестник, 1902, т. 48.

³⁷ См. Станг Хр. Указ. соч., с. 10; Станг говорит, правда, об устранении интонационных различий на предударных слогах; автор данной статьи не склонен думать, что таких различий на предударных слогах вообще не было.

при этом (в данном случае автор статьи не согласен со Стангом и учеными, придерживающимися его концепции) подвижность ударения разделяется, в свою очередь, на фонетически и семантически мотивированную.

Итак, переходя к анализу конкретных фактов, рассмотрим сначала судьбу важнейших акцентных парадигм имени с флективными падежами.

Сравним древнейшую (3-ю и с учетом действия закона Соссюра в литовском 4-ю) акцентную парадигму, зафиксированную в литовском языке, с фактами, представленными в русских памятниках и в сербском.

Sg.

N. galvà, kasà; žvėrìs, naktìs; sūnùs, medùs; lúobas, sniėgas
G. galvõs, kasõs; žvėriėš, naktiėš; sūnaũs, medaũs; lúobo, sniėgo
D. gálvai, kāsai; žvėriui, nākčiai; sūnui, mēdui; lúobui, sniėgui
Acc. gálva, kāsa; žvėrį, naktį; sūnų, mēdų; lúoba, sniėga

Pl.

N. gálvos, kāsos; žvėrys, naktys; sūnūs, mēdūs; luobaĩ, sniegaĩ
Acc. gálvas, kāsas; žvėris, naktis; sūnus, medūs; lúobus, sniegūs

Ср. русск.: *голова́, коса́, голова́́, косы́, голова́́, косе́* (но сербск. *гла̀ви*, ср. и в ЧЗ *къ водѣ* — 64), *го́лову, ко́су*, но *но́чь, но́чи* (ср. сербск. *ства̀р, ства̀ри*), *мед, ме́ду* и под. Ср., однако, и такие отношения, напр., русск. *де́сять*, но *десяти́, из до́му*, но *отъ до́му* (ср. Апостол, 12 об.), и поставим в связи с этим сравнением следующие вопросы.

Почему в основах на -ā рассматриваемая подвижность полностью или хорошо сохранена и почему она почти полностью (сохраняясь лишь в изолированных случаях) отсутствует в основах на -ĭ и -ŷ?

Почему древнейшие акцентные отношения в основах на -o резко отличаются от акцентных отношений в остальных основах?

Наконец, почему закон Иллича-Свитыча может быть проиллюстрирован почти исключительно основами на -ā?³⁸

³⁸ Что касается основ на -ĭ, некоторые исследователи вообще сомневаются в существовании окситонированной парадигмы (сводку мнений см. в кн.: Колесов В. В. История русского ударения, с. 72), в именах на -ŷ она представлена лишь единичными примерами (Колесов, с. 180). Об о-основах сам Иллич-Свитыч писал: „...рассматривая славянские имена мужского рода, отражающие индоевропейские маскулина, обнаруживаем, что они, как правило, представляют подвижную акцентную парадигму, вне зависимости от того, имеют ли соответствующие слова в других индоевропейских языках подвижно-окситонированную или баритонированную парадигмы“ (Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация..., с. 110).

Поставленные вопросы находят ясный ответ в рамках постулированных выше теоретических положений. Так, подвижность ударения в основах на *-ā* теряет на славянской почве свой первоначальный семантический характер и становится фонетической, а потому и облигаторной. Напротив, в основах на *-ī* и *-ū*, где в системе флективных падежей постулируемый закон в праславянском не действовал, подвижность ударения имеет семантический характер и, поскольку актуальность такого семантического противопоставления постепенно утрачивается, подвижность исчезает, заменяясь баритонезой. Далее, рассматриваемое противопоставление не представлено в основах на *-ō*, потому что родительный падеж восходит тут к аблативу, который был к тому же не флективным падежом, а падежом с послелогом, присоединившимся к обычной основе³⁹, так что долгота гласной флексии здесь вторична. Наконец, правило Иллича-Свитыча, по-видимому, основано на законе Соссюра и действовало лишь там, где действовал этот закон.

В связи с поставленными вопросами следует сказать, что, исходя из концепции Станга, можно осмыслить лишь одну сторону проблемы, касающейся реконструкции славянской акцентной системы. Ибо проблема эта сводится не только к тому, что акутовая интонация корня обуславливает неподвижность ударения, а циркумфлексивная — подвижность, но еще и к тому, какой характер носит такая подвижность — статичный, абсолютно необходимый или свободный. В частности, могли ли такие дублеты, как *děsātъ* — *desjātī*, но *nōčъ* — *nōči*, возникнуть уже на общеславянской почве? Если подвижность была статичной и жесткой, то чем, кроме интонационных различий конечных слогов (да еще и в условиях тесных контактов взаимопроницаемых диалектов), могла поддерживаться эта жесткость и эта статичность в таких случаях, как род *рукы*, *костī* при им.-вин. мн. ч. *рѹкы*, *кѹсти*? Но если она была обусловлена интонационными различиями, то чем в таком случае отличаются концепции Станга от интерпретаций закона Соссюра? Если же она была не жесткой и не статичной, то какие возможности анализа ее сдвигов дает концепция Станга? Думается, что в рамках этой концепции подобные вопросы вообще не могут найти рационального решения.

Рассмотрим теперь нефлективные падежи, прежде всего падежи с послелогом. Материал для сравнения дает здесь творительный падеж *ō-*, *-ī-* и *ū-*основ, в сингуляре послелог **-mī* и в плурале послелог **-mī+s*, распространенный также в основах на *-ā* (можно предположить, что в *ō-*основах функционировал родственный послелог **-bis* из **-bhis*⁴⁰, а также дательный

³⁹ См. Кузнецов П. С. Очерки по морфологии праславянского языка. — М., 1961, с. 37—39.

⁴⁰ См. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительная морфология индоевропейских языков, с. 422—423.

(послелог *-tu+s) и местный (*su) падежи множественного числа. Здесь возникают следующие вопросы.

Почему славянские языки в основах на -ǫ, -ǐ, -ǔ в творительном падеже множественного числа регулярно смещают ударение на флексию, как и в литовском (ср. *žvėrimis* — *зверьми*, *sūnumis* — *сынъми*⁴¹, ср. лит. *luobaīs* и русск. *зубы*. ЧЗ,121), а в творительном единственного числа в отличие от литовского (ср. *žvėrimì* — *звѣреть*, *sūnumì* — *сыномь*) сохраняют накорневое ударение?

Почему в ā-основах в творительном, а также в местном падежах множественного числа в славянских языках ударение падает на тематический суффикс, а в литовском в творительном и местном оно падает на послелог? (Ср. *galvomis* — *головами*, *galvosè* — *головахъ*.)

Почему в дательном и местном падежах множественного числа в ǫ-, ǐ-, ǔ-основах в славянских языках ударение падает на корень, а в литовском в местном падеже — на послелог? (Ср. русск. *людяx*, *людям* и лит. *žvėrysè*, русск. *о бозѣхъ*, *но бозѣхъ*⁴², при лит. *snieguosè*, русск. *дѣмѣхъ* при лит. *sūnuosé*.)

Нетрудно видеть, что поставленные вопросы легко разрешимы в рамках постулированных теорий, ибо в славянском послелог, как правило, не нес на себе фразового ударения, а в литовском нес, в славянских языках ударение смещалось на рассматриваемые послелоги лишь в рамках закона Соссюра.

Легко заметить и то, что в рамках теорий, отрицающих действие закона Соссюра, поставленные вопросы не могут быть решены без существенных натяжек. Так, славянское *головами* при литовском *galvomis* можно было бы объяснить оттягиванием ударения с конечного слога в духе закона Хирта — Лера — Сплавинского. Но если такой закон и в самом деле действовал в общеславянскую эпоху, то как объяснить такие факты, как сербское (чакавское) *dāmō*, *dāstè*, украинское *дамѠ* и под.⁴³

Что касается нефлективных падежей, представленных усиленной основой (местный падеж основ на -u и на -i), то несопоставимость таких фактов, как лит. *medujè*, *ašujè* и славянское *в медѹ*, *на осѹ*, очевидна (в литовском

⁴¹ См. Колесов В. В. Указ. соч., с. 118.

⁴² См. там же, с. 154, 190; приводя указанные факты, черпаемые из русских памятников, Колесов, по чисто теоретическим соображениям, восстанавливает здесь, однако, праславянское нафлексивное ударение.

⁴³ Эти и другие факты, противоречащие закону Хирта (Лера — Сплавинского), приводятся Л. А. Булаховским; см. Акцентологический закон А. А. Шахматова в кн.: Шахматов А. А. Сб. статей и материалов. — М.—Л., 1947, с. 421—422.

ударение на послелого, в славянском — на основе). Общепринятое положение о том, что ударение сдвинуто здесь по закону Соссюра, не требует особых доказательств. На старое место ударения указывает, между прочим, и общеславянское *дѣма*⁴⁴ (из *dombъ с невокализованным сонантом).

Заметим, наконец, что единственная обусловленная чисто семантически и сопоставимая в праславянском и литовском акцентуация падежа с послелогом⁴⁵ — регулярное нафлексивное ударение родительного падежа множественного числа, противопоставленное на корне в винительном единственного. Ср. лит. *gálva* — *galvũ*, русск. *голову* — *голов*, *sũnc* — *sũnũ*, *сын* — *сынѡвъ*, *nãktĩ* — *naktũ*, *ночь* — *ночей* и т.д.

Это противопоставление, несомненно, связано с сохраняющейся в славянских диалектах указанного периода тенденцией к выражению в акцентных противопоставлениях функционально-семантической категории плюральности.

Закон Соссюра, как уже говорилось выше, не имеет никакого отношения к подвижности ударения в славянском презенсе (типа *ношũ* — *ношши* и под.), являющейся позднейшей и обусловленной оттягиванием ударения со среднего слога. Глагольная акцентуация в целом в связи со сказанным требует в рамках данной статьи всего лишь двух принципиальных замечаний. Первое касается вопроса о выборе места ударения в инфинитивах. И здесь следует обратить внимание на то, что такие факты, как *пáдать*, *плáкать*, но *бодáть*, *кидáть*, *вídеть*, *слъшáть*, но *глядéть*, *смотрéть*, *кíнуть*, но *тонũть*, *избáвить*, *пráвить*, но *носíть*, *ломíть*, *пáсть*, но *нестĩ* и под., по замечанию Л. А. Булаховского⁴⁶, не поддаются объяснению теми, кто отвергает закон Соссюра (если не принимать на веру гипотезы о позднейшем аналогичском выравнивании или оперировать сомнительными фонетическими законами типа закона Хирта). С точки же зрения постулированной модификации закона Соссюра, все эти факты находят простое и непротиворечивое объяснение.

Второе замечание относится к безусловно древнейшей общеславянской подвижности ударения в презенсе, в соответствии с которой 1-е лицо единственного числа имеет ударение на инициальном слоге, а все остальные лица — на конечном. Ср., например, *нé мню* (ЧЗ,39), *помншшĩ* (ЧЗ,143) или

⁴⁴ См. Milewski T. Rozwój fonetyczny wygłosu prasłowiańskiego. — Slavia, 1932, t. 11, s. 232; с вокализованным сонантом эта же форма рефлектируется как *домũ*. Различные рефлексии одной и той же формы объясняются разной позицией во фразе.

⁴⁵ Согласно Вайану (RÉSL, 1935, t. 15, s. 11) послелог *-om восходит к притяжательному прилагательному, причем, как подчеркивает В. Шеворошкин (К истории индоевропейского генетива. — ВЯ, 1957, № 6), образование с -om характеризовалось первоначально резко выраженной экспрессивностью.

⁴⁶ См. рец. Л. А. Булаховского на кн. Хр. Станга. — ВЯ, 1958, № 4.

пбженоу (Станг, 109), *поженеші* (Торжественник, рукопись XVI в.) и т.п. Если постулированные нами теории верны, то следует объяснить, почему подвижное ударение не заменялось в рассматриваемую нами эпоху неподвижным (накорневым) или окситонированным. Полагаем, что эта подвижность не могла заменяться окситонезой, потому что она была с самого возникновения семантизированной и отражала актуальное для праславянского языка противопоставление 1-го лица единственного числа 1-му лицу множественного, связанное с функционально-семантической категорией плюральности. Генетически это противопоставление восходит к отношениям, зафиксированным в корневом (втором) атематическом спряжении в санскрите (ср. ведические *hánmi*, *hánsi*, *hánti*, но *hanmáḥ*, *hanthá*, *ghnánti*; *hanváḥ*, *hantnáḥ*, *hatáḥ*, или *émi*, *ési*, но *imáḥ* и т.д., несомненно связанные с противопоставлением по числу). Полагаем, далее, что эта подвижность не могла заменяться и баритонированным ударением, поскольку в парадигме находились формы с обязательным, фонетически вынужденным конечным ударением. Такой была форма 2-го лица единственного числа, поскольку ее флексия не может восходить к краткому -i, которое дало бы -b, и, поскольку это -i в литовском, проникая даже в первое лицо нетематических глаголов⁴⁷, перетягивало на себя ударение (ср. лит. *esmi*, *esi*, *ēsti* и санскр. *ásmi*, *ási*, *ásti*).

Итак, подводя итоги, насколько это возможно в рамках одной статьи, констатируем, что ни в имени, ни в глаголе нет фактов, которые явно противоречили бы постулированной модификации закона Соссюра, и в то же время наблюдается целый ряд явлений, которые указанной модификацией объясняются лучше, чем теми теориями, которые исходят из полного отрицания действия закона в славянских языках.

Всё сказанное еще раз подтверждает плодотворность такого подхода к вопросам балто-славянских отношений, при котором отвергается полное отождествление языковых, в том числе фонетических систем, но в то же время за критерий берется их глубокое сходство, объясняемое общими переживаниями и взаимопроницаемостью.

⁴⁷ См. в этой связи Skardžius P. *Daukšos akcentologija*. — К., 1935, с. 192—193.